

Детские воспоминания

В. Кириченко

Детям Виталия Кириченко (а их у него двое) можно просто позавидовать: им, в отличие от многих других детей, жизнь своего папы, когда он сам был маленьким мальчиком, известна в деталях. Ведь рассказы вает Виталик еще лучше, чем пишет. По любому, казалось бы, пустяковому поводу у него вспоминается какой-нибудь случай из детства. Из любой, казалось бы, ерунды вырастает целая история – с зачином, кульминацией, развязкой и чуть ли не эпилогом.

А Виталик, между тем, вовсе не литератор или какой-нибудь артист разговорного жанра. Он учитель рисования. Хотя последние три года только и занят тем, что выпускает замечательную газету «Детский сад со всех сторон», где не только рисует, но и пишет.

Чем примечательны его рассказы? Обилием мелких деталей. Отношением к тем или иным вещам, которое он непостижимым образом помнит. Маленький человечек, герой его незамысловатых историй, абсолютно уверен в правоте своих наивных выводов: все вопросы разрешимы, все трудности преодолимы, все недоразумения когда-нибудь да разъяснятся. Как много оптимизма может почерпнуть отсюда любой взрослый!

В.М. Букатов

Двенадцать месяцев

Когда мне было почти шесть, а моему другу и соседу Ромке уже шесть, мы накануне Нового года пошли на работу к моей маме. Там в актовом зале всем детям бесплатно показывали мультики и детские фильмы. Посмотрели мы сказки «Морозко» и «Двенадцать месяцев». Решили, что к празднику

нам непременно нужны живые подснежники. Где их найти? Конечно, в лесу!!!

Вечером того же дня нас выпустили во двор покататься на санках под присмотром Ромкиной старшей сестры. Как только сестра отвлеклась, мы бегом побежали к ближайшему лесу. Лесом была клумба метров тридцати в диаметре, на которой росли густящие голубые ели. Их ветки, укрытые снегом, опускались до самой земли, под ветками образовались снежные пещеры. Конечно же, подснежники там!

Когда подснежников не нашли, решили, что, если сесть под елкой и как следует замерзнуть, придет Дед Мороз и исполнит все наши желания (и подснежников у него попросим).

Когда продрогли как следует, решили, что все это – сказки, нечего в них верить и пора вернуться домой. Нашего отсутствия даже не заметили: оказывается, что нас не было всего лишь каких-то полчаса.

Мы с Ромкой подумали и решили, что и подснежники есть, только в лесу за городом, и Дед Мороз обязательно бы пришел, если бы нам хватило терпения померзнуть еще полчаса!

Не слабо!

Когда я ходил в среднюю группу детского сада, со мной произошел случай, который здорово повлиял на всю мою будущую жизнь.

А началось все так. Однажды к нам пришла старшая дочка нашей воспитательницы и вместо мамы повела нас на прогулку. Нам она казалась очень

даже взрослой, а на самом деле она училась в восьмом классе.

Сбоку от веранды когда-то кто-то для чего-то приставил лестницу, а потом забыл убрать. Стояла она там уже давным-давно, почти месяц, и никто не мог по ней подняться выше второй ступеньки, потому что третьей ступеньки не было (наверное, сломалась), а сразу шла четвертая.

Но лестница всегда нас привлекала. Вот и в тот раз мы поочередно подходили к ней и, поднимаясь на вторую ступеньку, с тоской глядели вверх.

Вдруг к нам подошла дочка воспитательницы и, поглядев минуту на наши попытки, сама поднялась по лестнице до самого верха! И оттуда, с огромной высоты, сказала: «Вот так, малышня! А из вас никто сюда не взберется! Слабó!»

Мы загрустили и пошли играть в песочницу. А что оставалось делать: со второй ступеньки на четвертую перебраться было смертельно страшно!

А потом был обед, дневной сон, пение и не помню уже что – я все время думал о лестнице и о том, слабó ли мне...

Когда мы собирались на вечернюю прогулку, я сказал друзьям, что обязательно поднимусь по лестнице до самого верха. Они не поверили.

Когда мы пришли на площадку, я сразу подошел к лестнице и, стиснув зубы, но с видом полного спокойствия, влез до самой крыши. Снизу кричали «Ура!», а я посмотрел вниз и обмер: спускаться было еще страшнее. К счастью, подбежала воспитательница и сняла меня.

И теперь многое из того, что кажется невозможным, я могу сделать только для того, чтобы опровергнуть утверждение, что это невозможно!

Тряпичная обезьянка

Когда я был маленьким мальчиком и ходил в садик, у меня была любимая игрушечная тряпичная обезьяна. Она, как утверждали родители, была старая, пыльная и страшная. И, по маминим словам, позорила наш дом своим видом.

Тогда в детские сады родители очень часто отдавали игрушки из дома. Вот и мои родители решили: зачем нам дома эта дурацкая обезьяна? И мама, не спросившись, отдала ее.

Все дети в группе сразу накинулись на обезьяну – понравилась. Я ходил гордый – моя!

А когда над ней начали издеваться, мне стало очень горько, больно и обидно. Я бегал и кричал: «Отдайте обезьяну, она моя!» Но мне отвечали: «Нет, она наша, общая!» А самое обидное, что воспитатели никак в это дело не вмешались.

Дети ее потом просто закинули на дерево. Я обиделся на всех: и на друзей, и на воспитателей, и на родителей тоже.

Потом, конечно, все уладилось, уж не помню как. Но с тех пор я твердо усвоил: нужно быть внимательнее друг к другу и уважать чужие привязанности.

Военные – тоже люди

Когда я был маленьким, мне очень хотелось стать военным. У меня был дедушка – полковник, и друзья его были тоже военными. Они мне очень нравились.

А еще, когда я делал что-нибудь не так, дедушка говорил мне, что вот военные так точно не поступают: они не капризничают, не свинячат за столом, не ковыряются в носу, едят все без разбора, не оставляют срезанные ногти на дедушкиной простыне, не сосут целыми днями леденцы и никогда не врут. И поэтому все их уважают.

Конечно, я решил, что для того, чтобы быть самым лучшим, надо быть военным.

Летом мы с мамой поехали в дом отдыха, в котором отдыхали военные и их семьи. С нами была еще мамина подруга с сыном. Там мы познакомились с дяденьками из соседнего домика.

Один из дяденек, капитан по званию, рассказал, что у одного его товарища есть моторный катер и, если мы захотим, он договорится нас покатать.

Через день он пришел и сказал, что обо всем договорился и завтра утром мы встречаемся у реки.

Всю ночь мне снилось, что я несусь на катере по волнам и ветер с мелкими брызгами дует в лицо.

А утром мы все вчетвером пришли на реку и прождали капитана и его друга с катером полдня. Но так и не дождались. Потом мы пошли в домик, где он жил, а там нам сказали, что у него вчера был последний день отпуска и вечером он уехал.

Мне было обидно до слез. И не только потому, что я не покатался на катере. Я больше не хотел быть военным, ведь если военные обманывают, то, наверно, и в носу ковыряются, и капризничают, и за столом свинячат не меньше меня, а кто ж таких людей уважать-то станет?

О пользе завтраков

Когда я был маленьким, то очень не любил есть, особенно завтракать. Теперь, когда у меня у самого есть дети, я понимаю, что многие дети не любят есть. И чего только не выдумывают родители, чтобы заставить любимых чад проглотить еще ложечку!

Так вот, однажды утром мама сказала, что к полудню мы должны быть в Театре юного зрителя. Я обрадовался, но аппетита мне это не прибавило.

И тогда мама рассказала мне историю о том, что в турникеты метро вмонтированы специальные фонарики, которые просвечивают желудки маленьких детей. И если вдруг у детей в желудке не обнаруживают еду, его не пропускают в метро!

И я, маленький, поверил. Я сидел и запикивал за обе щеки ненавистную овсянку и сваренное вкрутую яйцо. И, что удивительно, турникеты в метро меня пропустили.

Сейчас я знаю, что турникеты пропускают всех, кто бросил жетон. Но историю с просвечиванием детского живота помню хорошо и время от времени рассказываю ее своей дочке, когда она слишком долго сидит над тарелкой.

Школа – не праздник

Когда я был маленьким, у меня был друг Славик. Он жил в соседней квартире, и мы очень много времени проводили вместе. А еще мы ходили в один детский сад. Славик был старше меня на пару месяцев, но родители отправили его в садик, а потом и в школу на целый год раньше меня.

Садик у нас был маленький, поэтому в одной комнате было по две группы. Так что, когда я был в старшей, а мой друг – в подготовительной, то ели, спали и играли мы вместе.

Но вот лето закончилось, я перешел в подготовительную группу, а Славика, хотя ему едва исполнилось шесть лет, родители отдали в первый класс.

Хорошо помню первое сентября того года: мы вместе выходим на лестничную клетку, а дальше – я в садик, а мой друг – в школу. В новой форме, с портфелем и цветами он выглядел шикарно. Я, честно говоря, ужасно ему завидовал...

Почти месяц Славик ходил с высоко задранном носом, а я чувствовал себя рядом с ним малявкой. Но постепенно ситуация изменилась: Славик, уставший, возвращался из школы, делал уроки, и вечером погулять с друзьями на улице у него не было сил. А мое беззаботное детство продолжалось!

Однажды в выходной день мы сидели на толстой ветке вербы, болтали ногами и говорили. Славик рассказал мне, как ему надоела школа, как хочется иногда погулять, а надо делать уроки, как в классе над ним часто издеваются и не хотят дружить, потому что он младше. А еще он мне признался, что хочет назад в детский сад.

В следующем году и я пошел в школу. Со слов Славика я знал, что школа – это не праздник, да в семь лет и сам уже многое понимаешь. В общем, к школе я был готов... А мой друг Славик во втором классе проболел полгода, и в следующем году мы учились вместе.

Взрослые (все без исключения) часто вспоминают свое детство и жалеют, что оно так быстротечно и безвозвратно. Откуда же это стремление –

обкромсать другим это замечательное время, лишить своих собственных детей того сокровенного, того детского и беззаботного, что пронесит человек, как величайший дар, через всю свою жизнь?

Чужая собака

Когда я был маленький, я, как и большинство детей, мечтал о собаке. Чтобы она была настоящая, живая, теплая и лохматая. Чтобы я сам вырос- тил ее, чтобы вначале, пока она маленькая, я защищал ее, а потом – она меня. Но сколько я ни просил родителей, они не соглашались завести в доме собаку.

Однажды осенью, в последние пого- жие дни, я гулял на детской пло- щадке у дома. Когда стало скучно, я полез исследовать ближайшие кусты. И вдруг обнаружил самого краси- вого в мире щенка! Я понял – это мой шанс. Засунув щенка под куртку, я пошел домой.

До вечера я прятал его на балко- не, кормил сосисками и поил моло- ком. А вечером попозже показал родителям. Я рассчитывал, что на ночь глядя они уж точно не выкинут собаку на улицу. И мой расчет оправ- дался!

А еще я придумал историю о поки- нутом всеми одиноким голодном щен- ке, который никому не нужен и мо- жет умереть на улице, а у нас ему будет так хорошо.

Утром мы с бабушкой пошли его выгуливать. Когда уже возвраща- лись, встретили какого-то дедушку, который, увидев нас, очень обрадо- вался. Он рассказал бабушке, что мой Пиф (так я назвал щенка) – это его Барсик, и он уже давно не щенок, а просто порода такая. Что вчера они гуляли, Барсик забежал в кусты и пропал, что без собаки очень одиноко и плохо. Мы отдали собаку и пошли домой.

Я плакал весь день, говорил, что даже дедушке без собаки невыносимо, а ведь он уже большой. Но собаку мне так и не купили.

История про хлеб

С детского сада нам рассказывали о том, что хлеб – народное добро, что хлеб – всему голова, что надо его бе- речь. Мы заучивали наизусть: «Хвала рукам, что пахнут хлебом!», но все это оставалось лишь словами. Если нам и объясняли, почему хвала, что за добро и какая голова, то делали это как-то неубедительно. Дети по-прежнему лепили из хлебного мякиша и засовы- вали корки за батареи.

Однажды на дачном чердаке у ба- бушкиной подруги я нашел коробку со старыми диафильмами. Диафильмы я любил, и бабушкина подруга мне их подарила.

Все они были какие-то странные. Мало того, что черно-белые, так еще и названия какие! «Кукуруза», «Горох», «Незаразные болезни крупного рогато- го скота», «Химия азотных удобре- ний» и другие в том же роде.

Среди прочих выделялся тем, что был цветной, диафильм «Хлеб. Учеб- ное пособие для студентов сельскохо- зяйственных техникумов». В нем рас- сказывалось (очень подробно) о том, как хлеб выращивают, собирают, как делают муку, месят тесто, пекут и продают в магазинах готовые батоны и булки.

Диафильм мне очень понравился. После многократных самостоятель- ных просмотров я отнес его в садик. Он понравился всем детям! После двух просмотров подряд мы еще час обсуж- дали увиденное.

С тех пор мы никогда больше не лепили из хлебного мякиша и не засо- вывали за батареи хлебные корки.

Виталий Кириченко – учитель рисова- ния, г. Москва.